

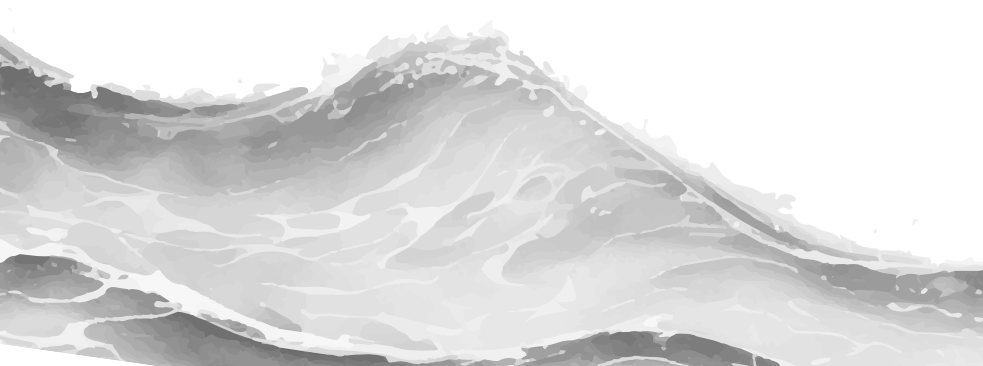

Читайте в серии «Любовь на каждой странице.
Молодежная романтика»

Екатерина Давыдова «Журавли, синицы»

Даша Коэн «Спорим, тебе понравится?»

ДАША КОЭН

Спорим,
медведь
Понравится?

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К76

Иллюстрация на обложке *DЖЕI ART*
Художественное оформление *Марии Фроловой*
Внутренние иллюстрации *Ален Мин*

Коэн, Даша.
К76 Спорим, тебе понравится? / Даша Коэн. — Москва :
Эксмо, 2025. — 576 с. — (Young Adult. Любовь на каждой
странице. Молодежная романтика).

ISBN 978-5-04-213697-9

Раньше весь мой мир вращался вокруг того, чтобы заслужить любовь мамы. Я смиренно выслушивала нравоучения, скромно одевалась и не смела высказывать собственное мнение. А еще согласилась держать наше родство в тайне, когда маме предложили стать учителем в престижной гимназии для обеспеченных детей. Именно здесь мой мир и перевернулся с ног на голову, ведь меня начал преследовать самый популярный парень, хулиган и мечта всех девчонок – Ярослав Басов. Мама просит держаться от него подальше, но Яр не привык к отказам. А когда одноклассницы начинают надо мной издеваться, то предлагает защиту в обмен на то, чтобы я назвалась его девушкой. И я соглашаюсь, даже не догадываясь, к чему это приведет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213697-9

© Даша Коэн, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Предисловие

Предрассветное небо. Кривой провинциальный горизонт. Птички, мило чирикающие на ветках...

Ах да! Еще тут есть самая примерная девушка на свете в красивом шифоновом платье, которая упорно лезет вниз по простыне со второго этажа панельной многоэтажки и попадает напрямиком в объятия отпетого хулигана. Их откровенный поцелуй рвет *все* шаблоны, а ее мать с балкона кричит, чтобы дочь немедленно вернулась домой.

Но некогда послушная умница не слышит маму, она убегает с плохим мальчиком в закат, даже не догадываясь, чего ей будет стоить эта выходка.

А вот как она до такого докатилась, мы и узнаем на страницах этой книги.

Гоу!

01

Протест

ЯРОСЛАВ

Октябрь...

-И так, молодой человек, мы вас внимательно слушаем.

— Здравствуйте! Меня зовут Ярик, и я конечная сволочь.

— Басов! — строго рявкнул дед, но я продолжал невинно хлопать ресницами, словно первоклашка, заблудившийся в бесконечных школьных коридорах.

Спасите! Помогите!

— Ничего не могу с собой поделать, — развел руками, — дефект приобрел на стадии сборки, все вопросы к производителю.

Прищурился и испытал почти первобытный кайф, когда увидел, как деда перекосило от отвращения. Он не любил, когда я поднимал столь щекотливые темы. Он — нет, а я очень даже да.

— Что это исчадие ада опять натворило? — не получив от меня более ни слова, родственник смах-

нул со лба выступившую испарину и с высокомерием, достойным самого короля, глянул сначала на директора этой богадельни, а потом и на ту, из-за которой мне в принципе приходилось терпеть весь этот тупой сюр.

Храмова Алевтина Петровна.

Посмотрел на нее в упор, дождался, пока глаза ее неодобрительно сузятся, а затем подмигнул, улыбаясь, словно безумный Ганнибал Лектер в лучшие годы своей жизни.

— Начнем с того, что ваш внук катастрофически заваливает литературу и идет на открытую конфронтацию с учителем. Если так продолжится, то на итоговые экзамены он просто не будет допущен из-за тотальной неуспеваемости по конкретно этому предмету.

— Неправда, — протянул я, поглядывая на наручные часы и жалея, что из-за всей этой тягомотины пропускал тренировку, — я получил бы за последнее сочинение высший балл, если бы Алевтина меня сознательно не завалила.

— Во-первых, Алевтина Петровна, — подала голос старая вешалка, — а во-вторых, это сочинение было написано не вами, молодой человек, а Аней Потаповой — вашей одноклассницей.

— Пруфы? — приподнял я одну бровь.

— Она лично мне созналась.

— Вы себя в зеркало видели? Да вам любой сознается даже в том, что он Наполеон Бонапарт, лишь бы вы от него отстали! — мстительно кинул я в самодовольное лицо училки.

Как же она меня достала!

— Басов! — в унисон попытались осадить меня присутствующие, но мне на них было чхать вообще.

— Немедленно извинись, — затребовал дед.

— Нет, — выдал я максимально жестко и отвернулся.

— Что значит нет? — ошалело выпучил глаза родственник.

— Это значит, что я отказываюсь делать то, что нужно вам, и буду делать только то, что нужно мне. У меня не было проблем, пока не появилась эта... учительница, — последнее слово я буквально выплюнул из себя.

— Это невысказано! — запричитала директор.

— А я вам говорила, — не уставала подсирать Храмова.

— Следуй за Карениной, — мстительно прошипел я, уверенный в том, что мои слова дошли только до адресата.

— Что ты сказал? — почти вплотную приблизил ко мне свое морщинистое лицо дед.

— Я сказал, что мне никуда не уперлась эта ваша чертова литература. А еще я говорил, что не могу читать Шолохова, потому что у нас расходятся взгляды на то, можно ли кутить с замужней соседкой или нет.

— Видите, — указал на меня пальцем дед, — мальчик не дурак, ему просто нужны дополнительные занятия и факультативы.

— Никто не говорит, что Ярослав глупый, Тимофей Романович. Ваш внук очень достойно показывает себя в точных науках и спортивных дис-

циплинах, но умышленно не желает подружиться с гуманитарными.

— Потому что это ненужная мне лабуда, — пробурчал я себе под нос, разглядывая эмблему на форменном пиджаке.

— Не уверена в том, что я могу стать для мальчика подходящим репетитором, уважаемый Тимофей Романович, — процедила Храмова, старательно изображая из себя пуп земли. — Его необоснованная антипатия ко мне слишком высока. Но да, по литературе пока у него твердая двоечка, и Ярославу просто жизненно необходимы факультативы и дополнительные занятия.

У меня от ее слов форменно подгорало.

— Я заплачу вам, — предложил дед.

— И я снова буду вынуждена вам отказать.

— Причина?

— Дождусь извинений от Ярослава за все яркие эпитеты, которыми он меня наградил за прошедший месяц, и тогда вернемся к этому вопросу.

— Ярослав?

— И снова я буду вынужден вам отказать, — скопировал я интонацию и слова Храмовой, надевая на лицо образ агнца божьего.

И да, плевал я на последствия. Я был уверен... нет, точно знал, что их попросту не будет и меня не отчислят, а потом и пририсуют в аттестат нужный мне тройбан по литературе, потому что, на мое безграничное счастье, дедуля — один из постоянных и активных спонсоров этой гимназии.

Так что пусть Храмова засунет свои мечты о моих извинениях в свою дряблую задницу.

— Мы можем поговорить наедине? — обратился дед к директору, и та благосклонно ему кивнула.

— Свободен, — отмахнулся от меня родственник, и я, подхватив свой рюкзак, покинул негостеприимные стены «лобного места», отвешивая низкий театральный поклон.

Вышел в приемную, послал воздушный поцелуй молоденькой секретарше, а затем спиной, не разрывая с милашкой игривого взгляда и подмигивая ей, попятился на выход.

Но уже в самых дверях столкнулся с мелкой девицей в очках на половину лица и с длинной косой до пояса.

— И... извини... те, — пискнула она затравленно, насилуя в руках лямки собственного рюкзака.

— Свободна, — обошел ее и наконец-то вывалился в коридор, где тут же попал в котел своих приятелей. Они орала и улюлюкали, изображая пошлые движения и глупые танцы городских сумасшедших, пока мой лучший друг не заткнул всех, задав мне вопрос в лоб:

— Ну как тебе она?

— Кто? Алевтина? — изобразил рвотный позыв и заржал, дав пять одному из парней...

— Нет, — протянул Раф, — очкастая, которая только что вошла в кабинет директора.

Оглянулся назад, нахмурился, вспоминая невспоминаемое лицо девчонки.

— Да никак, — пожал плечами, — серь.

— Отлично.

Вопросительно прищурился в ожидании пояснений, которые тут же получил.

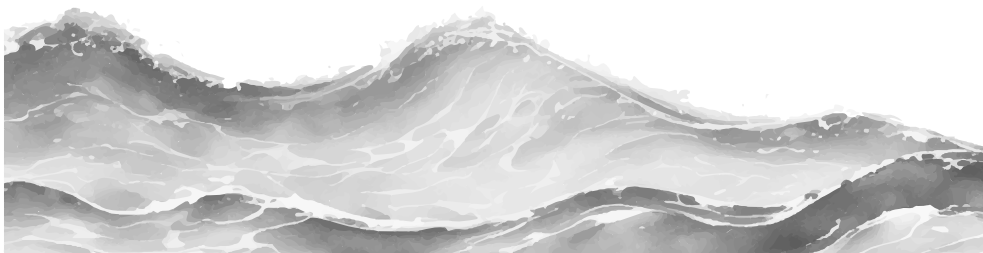
— Это была дочка Храмовой.

— Да иди ты! — вытаращил я глаза на друга и начал улыбаться, уже прикидывая в голове возможные расклады.

— Да, ее зовут Вероника Истомина. С сентября учится на нашей параллели.

— Бас, — предостерегающе потянул кто-то из парней, правильно интерпретируя мой хищный взгляд, — Алевтине это точно не понравится.

— Ее дочке тоже, — согласно кивнул я, и мы все дружно заржали, покидая шумный школьный коридор...

02
Вера

ВЕРОНИКА

Сентябрь...

-Мам, можно мне сегодня пропустить? —
прошептала я едва слышно, стараясь не
напрягать голос.

— Что значит пропустить? Как у тебя язык вообще
поворачивается говорить такое? Ты же не при смерти!
Подумаешь, горло болит. Температуры же нет, значит,
все нормально.

Нормально...

Это слово совершенно не вязалось с текущим по-
ложением дел. Потому что вставать в воскресный день
в семь утра — это ужасно несправедливо. И конечно,
я бы предпочла еще пару часов понежиться в постели,
а потом, может, прогуляться в парке, сходить на кару-
сели или просто побыть наедине с собой, а не вот
это вот все...

Да, внутренне я была недовольна. И да, все
мое существо отторгало то, что я должна делать

в столь ранний час, но в моей жизни слишком много «но».

Я не могла ослушаться маму. Мне было проще сделать так, как она хочет, чем потом целый день терпеть нескончаемый поток нравоучений о том, что я безответственная и что она устала вкладывать мне в голову элементарные вещи. А еще я была не в силах видеть ее грустные глаза...

Поэтому я встала с кровати и потопала в ванную комнату, где наскоро приняла душ и почистила зубы. Будучи еще в полотенце, вздрогнула — это мама вошла ко мне без стука и стала торопливо раздирать расческой еще влажные волосы и заплетать их в тугую косу.

— Копаешься тут. Опоздаем же.

— Я быстро, — просипела и опустила виновато глаза, стараясь не кривиться, когда родительница неосторожно и особенно сильно дергала непослушные локоны.

— Готово, — кивнула мне через зеркало, — живо одевайся и на кухню, бабушка уже завтрак приготовила.

— Но я...

— Цыц!

Послушно ускорила, кидаясь к себе в комнату и выискивая в недрах платяного шкафа юбку, блузку и белье с носками. С тоской посмотрела в окно — солнце поднялось уже высоко и исправно делало свое дело. Парило. А мне придется жариться под его палящими лучами и молча это терпеть.

Натянула на себя одежду и глянула в высокое зеркало, поправляя очки на переносице.

Тоска! Зеленая. Беспросветная...

— Вера!

От этого сокращения меня передернуло. Еще год назад меня звали полным именем. А потом привычная жизнь рухнула, и мама ударилась в религию. А я резко трансформировалась в Веру.

И не спрашивайте меня почему.

— Уже бегу! — надсадно прохрипела и сорвалась с места, услышав вопли матери, а через пару секунд уселась за стол, на обитый липким дерматином кухонный уголок.

— Ешь!

Легко сказать.

Но я и здесь послушно взяла ложку, принимаясь за кашу с щедрой порцией сливочного масла. Рядом на тарелочке ждали своей очереди два пирожка с неизвестной мне начинкой и большой ломоть белого хлеба с сыром. Эта порция еды стоила бы и для взрослого мужчины, но моим близким было плевать.

Я должна все это съесть. И точка.

— Быстрее жуй, Вера. И даже не думай тянуть время. Не выйдешь из-за стола, пока все не съешь.

Кто-то скажет, что это форменное и неприкрытое пищевое насилие. Бабушка и мама скажут, что это всего лишь забота обо мне. Я же просто скажу, что такова моя жизнь и у меня нет выбора, кроме как мириться с тем, что есть.

Молча и беспрекословно доела, чувствуя легкую тошноту, но облегченно выдохнула, потому что не пришлось давиться сладким чаем или стаканом ряженки. Сегодня мне повезло — мы опаздывали.

— Платок! — заорала мать, когда я уже обулась.

Вся скукожилась от ее недовольного тона, а затем максимально ускорила, слушая бесконечные причитания и надевая позабытый головной убор.

Двадцать минут до остановки. Затем час в душном автобусе до пункта назначения, и меня ощутимо размотало. А уж когда мы оказались на месте, так вообще стало адски непросто. Веки налились свинцовой тяжестью под монотонный бубнеж пастора, а спина предательски ссутулилась, пытаясь принять наиболее удобное положение для сна.

Вот только мне нельзя было спать. Я больше скажу — нельзя было даже вида подавать, что я, на пару со своим бунтующим организмом, замыслила нечто постыдное. Мать и так поглядывала на меня подозрительно и с недовольным прищуром, а бабуля так вообще то и дело тыкала мне в бок локтем, не давая даже помечтать о вожделенных сновидениях.

— Вера!

— А? — вырвал меня чей-то голос из полубессознательной дымки.

— Твоя очередь петь! — возмущенно прошипела мать.

Петь! Боже! За что?

Покорно кивнула и поднялась на клирос, а там встала в ряды хора, где спустя пару минут начала беззвучно открывать рот. Родительница была довольна. Бабушка в умилении складывала руки на груди и улыбалась.

Я выдохнула... пронесло.

Спустя два часа все закончилось, и мы снова тряслись в автобусе, но уже по дороге в обратную сторону. Вот только мои сегодняшние страдания на этом не

